
Под
черным
солнцем анархии
#1

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово от редакции 3

Мы – зеленые. Мы - анархисты (М.Букчин) 4

Экотаж: можно, если осторожно (А.Василюк) 13

Вегетарианство и его деградация (Днепровский) 20

Сланцевый газ: капитал нас не спрашивает (О.Андрос, А.Василюк) 22

Гниль в зеленой упаковке (Днепровский) 30

Путь на север (т. Фантом) 32

Смотрите чаще в окна (О.Волина) 37

Зіпсована прогулянка (Ангелина Яр) 45

Книга, которая приравнивается к оружию (Ангелина Яр) 55

Контакты 60

СЛОВО ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие друзья, товарищи и сочувствующие!

Прежде всего, хотим поблагодарить всех, кто так или иначе принимал участие в выпуске этого и предыдущего номеров, кто предоставил свои материалы, писал статьи, предоставлял помощь в печати и оформлении, скидывал средства. Ну и, конечно же, вас, читателей. Не было бы вас – не было бы и журнала! :)

Собственно, для начала ответим на несколько вопросов, которые нам задавали. Такие, как «а вы кто?», «да откуда?», а также «сколько вас?» или «как вам помочь?». Так вот. Мы – небольшая группа экоанархистов. Проживаем в Украине, в городе Киеве, что на славной реке Днепр. «Сколько нас?» - вопрос относительный, так как нас много и разбросаны мы по свету. Но если конкретно, кто издает журнал – несколько человек. Мы не бредим тем, что вскоре нас будет целая бригада со своей типографией, но мелочиться не станем - возможно, так и будет. Вопрос лишь во времени. :)

Еще был вопрос о периодичности издания. Пока планируется делать выпуск раз в сезон. Но когда дело пойдет – возможно, и чаще.

Так как предыдущий номер, #0, был выпущен как пробный – мы его распространяли и отправляли бесплатно. Этот мы постарались сделать качественнее: больше, красивее и содержательнее. Соответственно, номер уже бюджетный. Что касается следующего выпуска – он будет приурочен к годовщине смерти одного человека. Речь идет о Гончарове. Он боролся за освобождение берегов Днепра, за что поплатился жизнью.

Все контакты размещены на последней странице.

МЫ-ЗЕЛЁНЫЕ, МЫ-АНАРХИСТЫ

На сегодняшний день наши взаимоотношения с природным миром переживают критическую фазу, которая не имеет прецедентов в истории рода человеческого. Последние научные исследования по проблеме "парникового эффекта" (глобальное потепление климата), проведенные в США, свидетельствуют о том, что уже сейчас мы должны найти способ уменьшить процентное содержание моноксида углерода, присутствующего в атмосфере, в которой мы живем. В противном случае это обернется не только серьезными химическими мутациями, более того выживание рода человеческого будет в серьезной опасности.

Не говорится ни о чем, кроме как о проблеме дурного воздействия ядов, которые присутствуют в пище, которой мы питаемся, в то время как нарушение больших геохимических циклов может положить конец жизни человечества на этой планете. Со своей стороны я осознаю необходимость немедленно реагировать, чтобы остановить процессы, которые наносят ущерб почве. Я полностью солидарен со многими группами экологов, и в последние 30 лет ежедневно вовлекаю людей в деятельность по защите окружающей среды: против атомных электростанций, против строительства новых шоссе, против уничтожения почвы и против неконтролируемого использования пестицидов и диоксидов, и за развитие повторной переработки и за качественный рост, а не только за количественный.

Эти экологические проблемы беспокоили меня годы и десятилетия, также и сейчас они продолжают меня беспокоить. Я согласен с вами, что необходимо заморозить ядерные реакторы и положить конец загрязнению атмосферы, сельскохозяйственных земель, посевов и избавить нас от ядов которые распыляются над всей планетой и которые ставят в

опасность нас и вообще все живое на планете. Разделяю с вами все это, но мне хочется, чтобы мы пошли немного дальше этих вопросов.

Я думаю, что главное двигаться дальше, нужно видеть дальше собственного носа, потому что мы не можем продолжать принимать пожарные меры то здесь, то там, и заклеивать пластырем пробоины в нашем корабле, так мы не решим наших истинных проблем. Возможно, добьемся однажды закрытия какой-нибудь фабрики, загрязняющей атмосферу. Но в финале, чего мы добились? Строительства какой-нибудь новой АЭС.

На самом деле проблема гораздо более серьезна: мы уничтожаем планету. Мы подрываем экосистемы, которые формировались многие тысячи лет. Мы разрушаем пищевые цепочки. Мы разрываем естественные природные связи и переводим часы эволюции на миллионы лет назад, когда вселенная была намного более простой и не была в состоянии обеспечивать жизнь человека.

Более целостный взгляд на мир.

Много говорится о технологии. Несомненно, технологический контроль очень важен. Понятно, что мы нуждаемся в новой технологии, основанной на солнечной энергии и на энергии ветра, и необходимы новые способы обработки земель. На это, без сомнения, согласятся все.

Но суть всех этих проблем намного более серьезна, чем чрезмерное и неконтролируемое развитие технологии в наше время. Мы должны искать истинные корни возникновения и развития этих проблем. И в первую очередь мы должны искать источники их возникновения в экономике, основанной на идее "увеличения объема": рыночной экономики; экономики, которая стимулирует конкуренцию, а не сотрудничество, которая основана на эксплуатации, а не на жизни в гармонии. И когда я говорю о жизни в гармонии, я подразумеваю не только гармонию с природой, но и между

людьми также. Мы должны действовать для создания нового экологичного общества, которое изменится полностью, радикально трансформирует наши основные взаимоотношения. Пока мы живем в обществе, которое исходит из завоевания, силы, опирающееся на иерархию, на подавление и подчинение, не будет ничего, кроме ухудшения экологических проблем, независимо от уступок и маленьких побед, которых нам иногда удается добиться. Например, в Калифорнии нам были пожертвованы несколько гектаров посадок деревьев, а вслед за тем вырублены целые леса. В Европе происходит то же самое.

Обещали, что иссякнут кислотные дожди, а кислотные дожди продолжают идти. Решили поставлять на рынок только натуральные продукты, не отравленные пестицидами, и, действительно, процентное содержание пестицидов уменьшилось, но не намного, а другие яды, которые стали присутствовать, более опасны для организма. Наша проблема заключается не только в улучшении состояния окружающей среды, или остановки АЭС, прекращения строительства новых шоссе или чрезмерного строительства, расширения и перенаселения городов, загрязнения воздуха, воды и продуктов питания.

Вопрос, который должен стоять перед нами, намного более сложный. Мы должны достичь намного более целостного видения мира. Мы не должны охранять птиц, забывая про АЭС, и бороться против АЭС, забывая про птиц и сельское хозяйство. Мы должны достичь понимания социальных механизмов и сделать его более целостным. Должны рассмотреть их взглядом более логичным, логикой, которая предусматривает долгосрочные радикальные изменения общества и нашего собственного восприятия. До тех пор, пока мы не добьемся этого радикального изменения, будем добиваться только чего-то незначительного и маловажного. Победим в нескольких битвах, но проиграем войну, улучшим что-то, но не добьемся какой-либо победы. Сегодня мы живем в кульминационный момент экологического

кризиса, который угрожает нашему собственному существованию, мы должны ускорить радикальные изменения, основанные на целостном, логичном взгляде, который охватывает все наши проблемы. Причины кризиса должны быть показаны ясно и логично, таким образом, чтобы все могли понять. Другими словами все экологические проблемы и проблемы окружающей среды есть проблемы социальные, на которые нужно смотреть фундаментально, с широким взглядом на вещи и на систему общественных взаимоотношений, основанных на подчинении и иерархии. Это и есть проблемы, которые стоят перед нами на сегодняшний день.

Никаких подарков со стороны государства.

Что же в таком случае должны делать зеленые?

Во-первых, все мы должны внести ясность в свои мысли. Должны выявить реально существующие взаимосвязи между экологическими проблемами и проблемами социальными.

Мы должны показать, что общество, основанное на рыночной экономике, на эксплуатации природы и конкуренции, в конце концов, уничтожит планету. Мы должны сделать все возможное, чтобы люди поняли, что если мы хотим разрешить хотя бы одну из наших проблем с природой, мы должны озаботиться социальными взаимоотношениями. Люди должны понять, что все должно быть соединено в одном целостном взгляде на мир, во взгляде, основанном на анализе, на критике и решениях политического, индивидуального и исторического уровня.

Это означает вернуть народу силу. Мы должны создать анархистскую политическую культуру, не ограничивающую нас в наших проектах, как это делает Государство. Мы должны создавать политическую литературу, политическую культуру, которая приведет людей к участию, освобождению, автономии, к самоуправляющейся экономике и обществу, к самостоятельному восприятию.

В отношении технологии мы не должны беспокоиться только о том, как сделать ее более продуктивной, мы должны изобретать созидающую технологию, которая несет с собой не только более творческий, интеллектуальный труд, но и которая способствует улучшению природного мира, в тоже время и которая улучшит характер и качество наших жизней.

Но все это не придет к нам сверху. Не может быть никаких подарков со стороны Государства. Это не может воплотиться в законах, издаваемых Парламентом (Правительством). Это должны быть плоды народной культуры, политической и экологической культуры, распространяемой народом. Тогда мы должны будем не более чем разработать стратегию для изменения общества, используя различные существующие институты. Мы должны будем разработать анархические стратегии, которые приведут народ, людей к участию в процессе социального изменения, потому что если люди не захотят изменить общество, то в таком случае не произойдут никакие реальные и радикальные перемены.

Когда мы говорим об экологии, мы говорим о своей принадлежности к природному миру. Мы говорим, что мы, люди, разделяем сферу жизни вместе со всеми остальными живущими и с ними ищем применения системы взаимоотношений, которая сделает нас участниками экосистемы.

Но я вас спрашиваю, дорогие друзья, если мы хотим быть зелеными, если хотим возродить планету: как мы можем сделать это без обновления общества также? А если мы хотим обновить общество: как мы можем думать об участии в природном мире, если не принимаем во внимание народное участие в социальной жизни?

Если мы не хотим ничего большего, чем просто прийти к власти, чтобы изменить общество, я гарантирую, что мы придем к поражению. Это уже происходило с некоторыми из моих друзей среди немецких зеленых, которые с добрыми намерениями находились в Парламенте, ища возможности

заключать союзы, альянсы с различными партиями и применять власть сверху. Некоторым образом они превращались в духовных лидеров, стремящихся к власти. Мы должны покончить с условиями существования власти, эмоциональными и психологическими. Рассуждая сейчас таким образом, что "из двух зол выбирают меньшее", в финале мы придем к худшему из всех возможных зол. Это то, чему история учит нас всегда.

Уже давно мы, зеленые, излагаем анархистскую точку зрения, анархистские взгляды, которые приводят людей в движение зеленых, которые могут сделать движение зеленых более сильным движением. Движением зеленых, в котором нас не ограничивают в продвижении вперед нашего целостного проекта, и которое соединит все проблемы в программу и проанализирует в общем, кроме того, таким движением зеленых, в котором люди будут главными действующими лицами их истории. Мы должны поддерживать создание анархистского общества: экоанархистского.

Это то, чему нас учат примеры Германии и США, где некоторые движения нашли поддержку целей зеленых, действуя сверху через законы, и мы давно уже должны покинуть позицию позади других.

Я не хочу сказать, что мы не должны стремиться довести до конца перемены, которые могут замедлить или остановить упадок современного общества и природного мира.

Я знаю, что мы уже не имеем много времени для подготовки и планирования. Настоящие проблемы вовлекают также два последующих поколения, и возможно даже, что два ближайших поколения будут решающими относительно выживания нашего вида и сохранения нашей среды обитания и нашей планеты. Во всяком случае, если мы не можем дать людям единое представление, точку зрения практическую и этическую одновременно, пусть спросят тогда сами свое восприятие; знаете ли вы, кто забрал себе власть в этом хаосе?

Правые, реакционеры.

Сегодня в Америке правые определяют сами себя как "моральное большинство" и говорят: "Мы возвращаем важность жизни. Возвращаем важность человеческих взаимоотношений". И, к несчастью, то что оставшиеся левые американцы не делают ничего другого, кроме как говорят "прогресс", "централизация" и все другие такие же вещи, которые социализм повторяет уже 150 лет.

Во-первых, мы должны вернуть себе те условия, в которых люди ищут истину, а не только выживают: тот образ жизни, который говорит о качестве, а не только о количестве. Мы должны распространить связное, логическое послание для всего общества, которое будет сообщать, учить, что значит быть гражданином и принимать решения самостоятельно. Другими словами, мы должны создать новую политику, зеленую политику, которая заменит старую авторитарную и централистскую политику, основанную на партийной системе и бюрократии. Это есть то наиболее важное, что мы должны запомнить. Если мы этого не достигнем, то движения зеленых будут постепенно поглощены традиционными движениями. Главная цель растворится в маленьких целях и маленьких победах.

Компромиссы с "меньшим злом" всегда приводят нас к худшему злу.

Люди будут говорить: "Что это? Такая же политика, как всегда? Такая же бюрократия, как всегда? Тот же парламентаризм, который был всегда? Почему я должен голосовать за зеленых? Почему я должен давать силу зеленым? Почему не должен я продолжать поддерживать демократическую партию, или партию коммунистов или какую-либо другую партию, которая гарантирует немедленные результаты?"

Мы должны отдавать себе отчет в том, что необходимо заменить старую, традиционную политику партийности новой зеленой политикой. Что нужно решительно закладывать фундамент в здание человеческого единства, что

необходимо применять анализ, который пойдет дальше чистой окружающей среды и других важных проблем, которым мы посвящаем себя ежедневно (пестициды, ядерная энергия и т. д.)

Мы должны отдавать себе отчет, что это общество не только жестокое и бесчувственное, но и, кроме того, что его же собственные законы предусматривают его же собственное уничтожение, уничтожение планеты и оснований для выживания человечества. Мы должны создавать новые альтернативы, новые институты, основанные на местной демократии, на местном участии, которые смогут стать новой силой против централизованного государства, которые смогут создать новую систему социальных отношений, в которой с каждым разом количество людей, реально принимающих активное участие в анархической политике, будет увеличиваться.

Это наша единственная альтернатива, чтобы предотвратить падение в ту же политику партийности, коррупции и превосходства, которая превращает людей в циничных, равнодушных, закупоренных в своем тесном мирке индивидов.

Переходный момент.

Позвольте мне закончить последним важным доводом. Мы боремся не только за улучшение наших человеческих взаимоотношений. Рыночная система, капиталистическая система продолжает уничтожать не только комплексную работу миллионов лет, но также и духовное начало в человеке и человечестве, оставляя спутанность и пустоту, которые и формируют личности. Поэтому наша новая политика не должна иметь своей единственной целью спасение планеты и создание экологичного, зеленого общества анархического характера. Мы также должны смотреть намного дальше всего этого: если мы не положим конец "упрощению" планеты, человеческого единства и общества, то

достигнем такого "упрощения" человеческого духа, что иссякнет и дух непокорности, единственный способный породить социальные изменения и реальное возрождение планеты.

Сегодня мы живем в переходный момент, не только от одного общества к другому, но и от одной личности к другой, новой.

Большое спасибо!

(Мюррей Букчин)

ЭКОТАЖ: МОЖНО ЕСЛИ ОСТОРОЖНО

Во многих странах бюрократическая система достигла такого уровня развития, что процесс решения любых вопросов затягивается на слишком долгий период. Это очень на руку тем, против кого протестует общественность. И особенно выгодно тем, кто своими действиями уничтожает природу, так как прежде чем общественность что-либо решит, беспомощно барахтаясь в бюрократической паутине, всё уже будет уничтожено. Протест исчезнет сам собой, так как спасать будет уже нечего. Старовозрастный лес вырубят лесники, живописный каньйон взорвут динамитом старатели, а браконьеры выловят всю нерестящуюся рыбу. Как же быть? Единственный достаточно жесткий ответ на этот вопрос – ЭКОТАЖ.

Экотаж – это скрытое повреждение техники, инструментов и приспособлений, разрушающих дикую природу, убивающих животных и уничтожающих растения. Экотаж применим исключительно к неживым предметам. Экотажные акции тайно проводят наиболее радикальные экологические группы, когда уничтожению природы невозможно воспрепятствовать никаким иным образом.

Немного истории

«Экотаж», или все же «экологический саботаж», берет свое начало из деятельности радикальных экологических групп типа «Earth First!» (В разных переводах – «Земля прежде всего!» или «Уступите дорогу Земле!»), появившихся в США и Канаде в 80-х. Позже экотажники дали знать о себе и в Европе.

В отличии от более известных организаций типа Greenpease и прочих, «Earth First!» и другие группы начали действовать гораздо радикальнее, нежели просто обвинять человечество в уничтожении дикой природы, устраивать акции протеста и распространять агитационную литературу. В то же время, настоящие радикалы, избрав своей тактикой герилью против разрушающей дикую природу механизации, действовали более скрытно. Ещё бы, действия эковоинов как правило заканчивались (да и сейчас заканчиваются) разрушением техники, энергоснабжения антиприродных объектов и, увы, нередко – тюремным заключением. Визитными карточками «Earth First!» стало шипование деревьев (вбивание в деревья гвоздей с целью предотвратить их спиливание), выведение из строя лесопилок, разрушение мостов и строительной техники. Ах да – и разрушение дорог, ведущих в укромные уголки дикой природы. Дороги всевозможными методами перекапывают, перекрывают и вбивают в них пробивающие колеса шипы.

Идеолог и многие годы руководитель «Earth First!» Дейв Формен закончил свою радикальную карьеру в тюрьме, вследствие уничтожения нескольких опор высоковольтной линии электропередач. Многие, так же, как Формен, закончили за решеткой. Но осознанное, согласно специальному «Кодексу эковоина», ощущение себя воином

на войне, воодушевляет заключенных экотажников. Пребывая в тюрьме, они остаются воинами, воинами в плену. Никто из эковоинов не видит вины в своих действиях. Эковоины защищают от разрушения природу, частью которой являемся и мы сами. А антитела не нуждаются в оправдании.

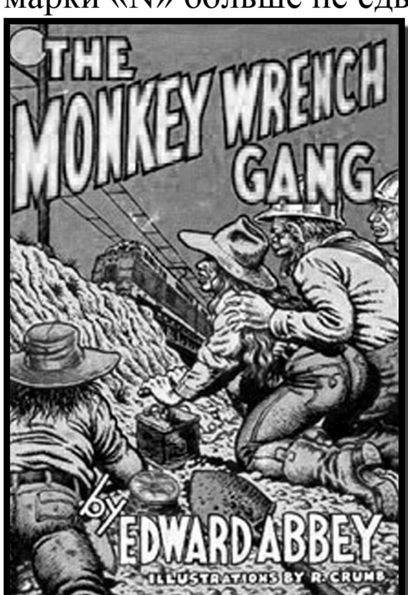
Сказанного выше не скрыть. Но экотаж не всегда и даже далеко не всегда переступает черту закона. К примеру, ни в одном законе не написано, что в деревья нельзя вбивать гвозди. Зато эффективность его непревзойденна! К примеру, ничто так надежно не убережет от вырубки старое дерево, как вбитые в ствол толстые гвозди. И ничто так не спасет нерестящуюся рыбу, как уничтожение браконьерской сети.

На постсоветском (да, в общем-то, и на советском) пространстве экотаж нашел применение тоже в основном на фронте шипования деревьев и дорог, а также в деле уничтожения охотничьих (читай - браконьерских) сетей, капканов и, естественно, уничтожении охотничьих вышек.

Эбби и «Банда гаечного ключа»

Трудно найти первые исторические факты саботирования уничтожения природы. Но непосредственно экотажное движение возникло весьма неординарным образом. В 1975 году выходит книга малоизвестного писателя Эдварда Эбби (1927-1989) «Банда гаечного ключа» (БГК) - роман о четверых американцах, всячески препятствующих освоению остатков дикой американской природы. Герои книги взрывают мосты, ломают, сжигают и сбрасывают в каньоны экскаваторы и бульдозеры, уничтожают портящие пейзаж бигборды. Каждое действие героев автор описывает в мельчайших подробностях – как с точки зрения идеологии, так и с методологической стороны. Внимательно изучив весь роман, читатель не только получит достаточную дозу эмоций и волнения, а и обретет бесценный инструктаж типа того, какой именно провод нужно перекусить, что бы трактор марки «N» больше не сдвинулся с места.

Книга почти сразу привела к появлению последователей «БГК». Возможно есть смысл утверждать, что движение эковоинов во многом возникло как прямое следствие книги Эбби. Вскоре появилось продолжение «БГК», а также несколько менее известных романов. Но это уже не имеет особого значения. Движение уже в силе. Во многих городах анонимные экстремальные эко-группировки беспощадно и бескомпромиссно вставляют палки в колеса индустриальной машины.

Со временем даже Национальная Служба Леса США начинает ежегодное освещение суммы убытков лесной промышленности, нанесенных эковоинами и шипованием

деревьев в частности. Суммы называются в порядке десятков миллионов долларов.

Сам Эдвард Эбби принимает активное участие в Движении. Одно из наиболее известных интервью он даёт на природе, спокойно вырывая по ходу разговора колышки геодезической разметки.

О перспективах перевоплощения экологического экстремизма в ультрасовременную экстрим-субкультуру

Лично мне мало понятно, почему на волне появления всё новых и новых экстрим-субкультур, экотаж не становится одной из них. В последние годы выделение новейших течений в рамках молодежной экстрим-культуры происходит в основном за счет обособления новых музыкальных жанров и освоения новых экстримальных видов спорта. К примеру, огромные перспективы сейчас имеет паркур, что по сути не является чем-то новым, а лишь внедряет в массы акробатические приёмы, практикуемые в цирке и восточных единоборствах.

Так почему же среди всего этого нет экотажа? Неужели это так несовременно или не эпатажно? В конце концов, неужели экотаж менее экстремален, чем катание на роликах и скейтах, хардкор или пирсинг? Или слишком экстремален? В чем же дело? Возможно, в ответственности. Или в искренности. Экотаж вызывает непонимание и агрессию большинства людей - чем не субкультура?

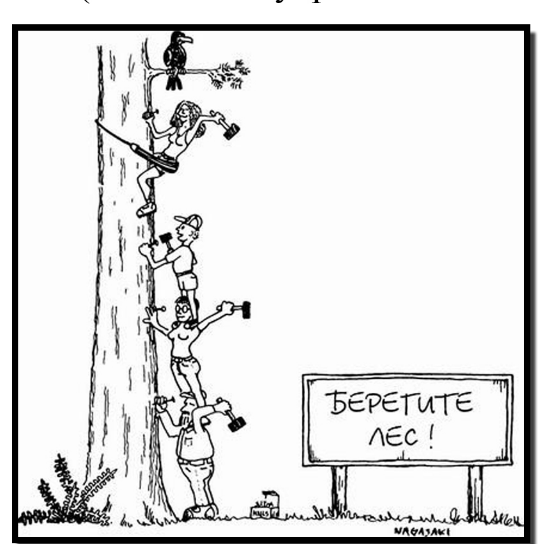
А может быть, эта субкультура давно есть? Всегда была и никуда не девалась? Ведь эковоины не хвастают достижениями и не носят опознавательных знаков типа рыжей челки или трубы в

ухе. Специфика жанра.

Жизнь эковоина подобна жизни самурая. Он предан своему делу до последнего и ступил на тропу войны из искренних переживаний за дикую природу.

«Представьте себе семью кабанов, регулярно приходящую к прикормочной площадке. Откуда им знать, какую угрозу несёт им охотничья вышка на краю площадки? Вот как-то они приходят пообедать… а с вышки высовывается какой-то ублюдок из ментовского начальства со служебным АК и просто их расстреливает, доказывая тем самым превосходство человеческой подлости и жестокости над диким зверем. Я не могу не жечь такие вышки».

(Из записей украинских эковоинов)

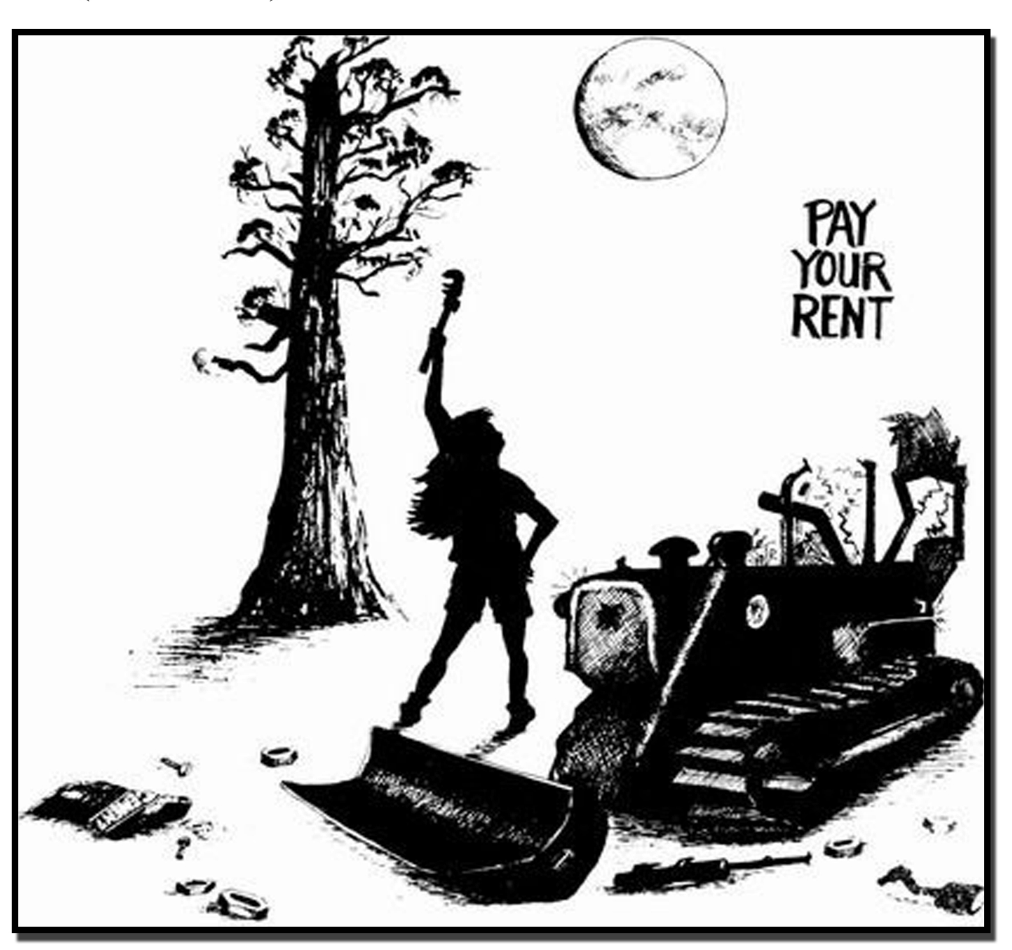
Ещё в своей «Исповеди эковоина» Дейв Формен подмечает, что в США нет ни единой точки, более чем на 20 км отдаленной от дорог. Достаточно вскользь посмотреть на карту Украины, что бы понять, что у нас ситуация обстоит куда хуже. Дикой природы почти не осталось. Экотажники смотрят на природу крайне искренне и объясняют свои действия удивительно просто:

«Лесная дорога выглядит гораздо естественнее, если поперек неё лежит упавшее дерево. Куда лучше, чем колеи от джипов. Не могу, просто не могу пройти мимо упавшего ствола, не выкатив его на дорогу».

Хотя в своих розовых мечтах эковоины пытаются откусить слишком большой кусок, например, взорвать все сковывающие плотины реки, может, всё-таки, попробовать подставить плечо помощи Матери-Природе хотя бы в чем-то меньшем? Ведь на Земле так много мест, где люди убивают животных, разрушают ландшафты? Кто сказал, что не мы сами должны встать на их защиту? Вбить, для начала, в десяток деревьев по несколько гвоздей, перекрыть дорогу или закупорить строительной пенкой сточную трубу, направленную в реку? Может, стоит?

Дикой природы осталось слишком мало, чтобы никто так отчаянно не встал на её защиту.

(А.Василюк)

Вегетарианство и его деградация

Веганство, как составляющая часть природозащиты, как нежелание участвовать в жестокости к животным - прекрасная практика. Причем сегодня это, пожалуй, полезнее для здоровья человека и однозначно менее вредно для окружающей среды. Да и грамотное сочетание круп, бобовых, овощей, фруктов весьма вкусно и может быть недорогим. Но речь не о том. Веганство и вегетарианство, соседствующие с радикально природозащитными и анархистскими взглядами в последнее время (20-30 лет) было частью мировоззрения, которое с натяжкой можно назвать экоанархическим. То есть веганство вытекало из того, что человек хотел бороться за свободу себя и природы, за сохранение диких земель и видов животных. И это вполне логично. Защищая дикие места, можно подумать, - а почему бы еще и не прекратить участвовать в уродовании природы (истязая животных на фермах), просто не поедая мясо? И действительно, ведь для этого всего-навсего нужно НЕ есть что-то и все. Ничего специально делать не надо.

Но со временем позиция веганства стала отделяться от движения, претендовать на некую самобытность. Стали подниматься разные религиозные практики, где главным было то, что мясо не едят. Стали массово публиковаться списки успешных вегетарианцев, известных спортсменов и т. п. Это весьма походит на то, как член какой-то секты доказывая, что все хорошо, сыпет именами успешных и известных ее участников. Не говоря уже о том, что деноминации «успешный», «известный» довольно обывательские и апеллируют как раз к чувствам, противоположным тем, которые поднимают на борьбу за свободу природы. Это все дополняется фотографиями природы далеких-далеких стран и картинками улыбающихся коров и свиней. Особенно это заметно во Вконтакте, в многочисленных группах и подписках. И, к сожалению, большинство людей, участвующих в этих группах, «коллективах» и прочих виртуальных или реальных союзах, знают больше названий видов блюд из сои, чем животных и растений, живущих и растущих у них за окном.

Практика, вышедшая из природозащитного движения, постепенно выродилась в какого-то странного мутанта. Он забыл, откуда вышел. Он хотел обрести количество, но в полной мере его не обрел, а качество ушло. Он приобрел черты вполне себе мещанского самодовольства. Он любит пошлые глянцевые журналы. Не за этого ублюдка толстовцы сидели по тюрьмам в 20-30 гг., не за него рискуют свободой ребята из ELF и ALF! На помойку его!

В конце концов, нужно почаще смотреть в окно, узнавать то, что защищаешь, или хочешь защищать, оторвать взгляд от ВКонтакта и сковородки, в которой аппетитно тушится тофу с морковкой.

(Днепровский)

СЛАНЦЕВЫЙ ГАЗ: КАПИТАЛ НАС НЕ СПРАШИВАЕТ

Главнейшее правило корпоративной работы – корпорация должна приносить прибыль и должна расти. Все другие ценности вторичны: благосостояние общества, удовлетворенность работников, здоровье планеты и даже общее благосостояние страны. .... Против корпораций никогда не выдвигаются обвинения в убийстве, а сами корпорации не признают за собой никакой вины.

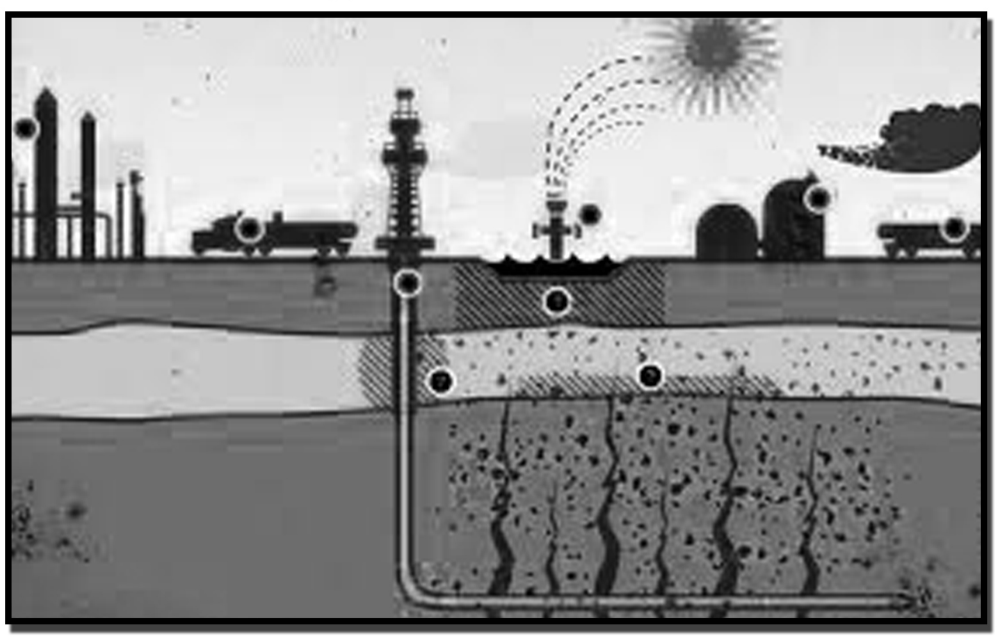
Джерри Мандер. «Когда не остается ничего святого»

Словосочетание «сланцевый газ» пришло в Украину недавно – в 2010 году. Поначалу я услышал о нем от друзей, увидевших документальный фильм Джоша Фокса «Gasland». Посмотревшие говорили об этом виде газа как о надвигающейся катастрофе. Эти активисты не пожалели усилий и перевели фильм на украинский и русский, чтобы все смогли понять их предчувствия.

Дальнейшие знания о добыче сланцевого газа я почерпнул из этого видеодокумента. Весной 2012 года я узнал, что это явление уже пришло в Украину, что Минприроды подписывает здесь и сейчас договоры о его добыче. Однако обо всем по порядку.

«Сланцевый газ» - это природный газ, залегающий преимущественно в сланцевых породах с низкой проницаемостью. Главная задача газодобывающих компаний – «вытрясти» пузырьки газа из плотной породы на глубине нескольких километров. Для этого используют технологии горизонтального бурения и гидроразрыва пластов (фрекинг пластов) - на глубину залегания пород, которая составляет от 300 до 4000 м.

В скважину под очень большим давлением нагнетают раствор воды, песка и химических реагентов, которые и дробят породу и образуют полости и каверны, в которых высвобождается газ, в результате чего его можно извлечь. Однако откачать с такой же легкостью раствор воды и реактивов не удается. Обычно менее половины этой высокотоксичной жидкости остается в пласте.

Именно это - одна из главных угроз добычи сланцевого газа. Пока бур доберется до газоносной породы, размещенной на глубине 3-5 км, он точно пересечет не один водоносный горизонт. Нет никакой гарантии, что токсичный раствор не попадет в подземные воды. А это значит, что существует опасность загрязнения этих водоносных горизонтов, а значит, и других элементов окружающей среды: деревьев, листвы, земли. Природный мир на территории, где применяется фрекинг, будет разрушен.

Ранее считалось, что именно артезианская вода, добытая с большой глубины, является чистой и пригодной для питья. В районе добычи сланцевого газа она может быть «отравлена» токсичными промышленными водами, попавшими в водоносный горизонт из скважин во время проведения бурения скважин и проведения в них фрекинга.

От загрязненной воды учащаются случаи онкозаболеваний

у людей, погибают дикие и домашние животные. После попадания отравленной воды из-под земли в поверхностные воды все живое в реках вымирает. Угроза касается всего водозабора реки, в котором начали разработку газового месторождения. То есть не обязательно жить непосредственно рядом со скважиной, чтобы смертельно заболеть.

Харьковский природоохранник Сергей Балобин описал этот процесс в доступной форме:

«Бурим скважину. Очень глубокую скважину. Закачиваем туда тысячи литров воды. Не простой воды, а воды, отравленной 596-ю различными химическими присадками: кислотами, загустителями, стабилизаторами, антиоксидантами и т. п. И взрываем. Взрываем. Взрываем. Так лучше, так пласт, в котором мы пробурили скважину, сильнее разрушится. Мы можем произвести в одной и той же скважине до 18 взрывов. Но уже после первых взрывов грунтовые воды станут непригодны для питья, у животных начнет выпадать шерсть, а вода из колонки приобретет металлический привкус или окрасится. Вы можете просто поднести спичку к крану с водой и получить взрыв. Газировка с метаном».

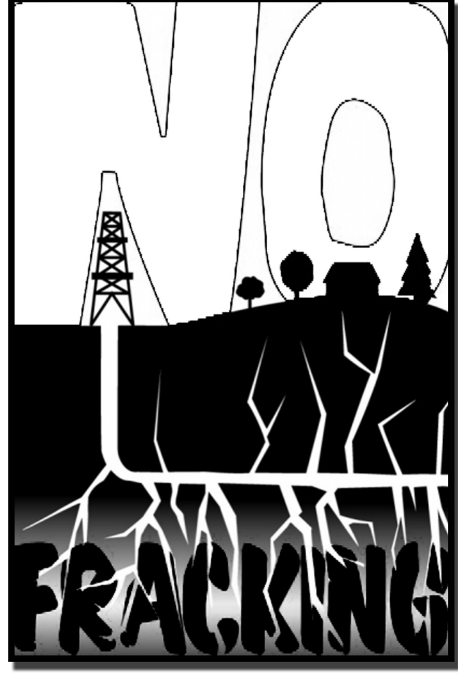

Время эксплуатации одной скважины – 5-10 лет. Корпорация разворачивает бурение тысяч скважин, после чего выкачивает из них весь газ и перебирается на новое место. Как паразит на теле земли. А в украинских условиях надземную часть заброшенной скважины еще и разберут на металл, разблокировав любые заглушки.

Обо всем этом корпорации не сказали ни жителям США, ни нам. Они просто стали добывать газ в промышленных масштабах.

Технологическая сложность фрекинга очень высока, а рентабельность была относительно низка. Однако в последнее время технологии добычи продвинулись вперед. Транснациональные корпорации стали использовать фрекинг повсеместно, не только в США, но и во многих странах мира.

Фильм «Гесленд» посвящен буму добычи этого вида газа, начавшемуся в США в середине 2000-х. Правительство всячески помогало энергетикам, смягчало в их угоду законы, замалчивало болезни, возникавшие вследствие добычи газа. Так сформировалась система молчания вокруг фрекинга, которую успешно прорвал до того никому не известный документалист Джош Фокс. Он же стал одним из организаторов общемирового движения против фрекинга.

Герои его фильма - простые американцы, которым не повезло поселиться там, где газовые компании начали добывать сланцевый газ.

Конечно, фильм критикуют газодобывающие компании, обильно публикуя замечания и неточности, выявленные их экспертами при просмотре ленты. Впрочем, как не критикуй расследования американских журналистов, никуда не денешь людей, чья жизнь стала невыносимой, когда за их окном построили первую буровую вышку. Также невозможно скрыть, что площадка для добычи сланцевого газа занимает чрезвычайно большую площадь земель, поскольку требует сооружения огромного количества скважин и других построек.

Сама компания «Шелл» известна на весь мир как одна из самых крупных нефтегазодобывающих компаний, деятельность

которой в разных странах уже приводила к возникновению экологических катастроф.

Так, например, близ Сахалина сброс дихлорметана с судна «Сахалин Энерджи – Шелл» привел к массовой гибели рыбы. В Нигерии в 2008 году при добыче и транспортировке нефти произошел ее разлив. В результате аварии нефтью залило порядка 20 квадратных километров территории, на которой расположены около 30 поселений. На ликвидацию последствий аварии может уйти до 20 лет.

Американская компания Shell Oil Company – дочерняя нефтедобывающего предприятия Royal Dutch Shell, многократно преступавшего законы штата Калифорнии в области эко-безопасности. За эти нарушения Shell Oil Company обязали выплатить 19,5 миллионов долларов компенсации.

Эти корпорации уже пришли в Украину и вот-вот начнут добычу сланцевого газа. Компании Shell и Chevron получили необходимые согласования. В мае 2012 г. компания «Шелл» выиграла конкурс на получение лицензии для поиска и разведки сланцевого газа на «Юзовском участке» (восток Харьковщины и север Донетчины). Второй участок – «Олесская платформа» – большой кусок Львовщины, переходящий на территорию Польши, которая также поспешила открыть дверь газодобытчикам. Третий – глубоководный шельф Черного моря – называется Скифским.

3 января 2013 года, пока вся страна пробуждалась от алкогольного угара, Кабинет министров Украины утвердил Соглашения о разделе продукции с компаниями Chevron, Shell и Exxon Mobil. Соглашения регламентируют добычу углеводородов на Юзовском, Олесском и Скифском участках. В 2013 году компании позарятся еще на четыре нефтегазовые площади: Слобожанскую (Харьковская область), Форосскую (на шельфе Черного моря), участки на мелководном шельфе Прикерченской зоны и на территории Полтавской, Днепропетровской и Донецкой областей.

Нас ни о чем не спросили и не спрашивают.

Фрекинг несет две опасности в Украину.

Проблема номер один – здоровье людей. Герои фильма «Gasland» живут в малонаселенных районах США, где на 1 жителя приходится по два-четыре квадратных километра территории, а то и больше. В Украине нет таких малозаселенных территорий и везде, где планируют добывать сланцевый газ, угроза онкозаболеваний касается значительно большего числа людей, чем в США.

Проблема номер два – уничтожение природных территорий, на которых будут добывать сланцевый газ. Как совместить огромные комплексы по добыче, прокладку дорог и последние в Украине степи? Лесостепи? Леса? Экосистемы с краснокнижными животными? Никак.

Нас никто не спросил, хотим ли мы жить с такой опасностью.Ни референдума, ни общественного обсуждения

государство и корпорации не проводили и не планируют.

Харьковские экологисты горько иронизируют, что «сознательным гражданам нужно бежать и отбирать пробы воды в колодцах окрестных деревень, так как потом, завидев в колодце пузырящуюся питьевую воду с нефтяной пленкой, компании скажут, что "все так и было"».

Между тем в мире разворачивается мощное движение против добычи сланцевого газа методом фрекинга. В 2011 году Франция, Швеция, Румыния, Болгария и другие страны выдали бессрочные моратории на добычу сланцевого газа, признав его чрезвычайно опасной экологической угрозой. Впрочем, в других странах, таких как Германия, Польша, Австралия и Украина, происходит массовое наступление газодобывающих компаний на их территорию, природу и безопасность жизни их граждан.

22 сентября 2012 года состоялась всемирная акция «Global Frackdown», которую поддержали киевские эко-активисты.

Украинские природоохранные организации пока что проигрывают борьбу с добычей сланцевого газа. Собственно, системной работы пока и не ведется. О проблеме знает несколько десятков активистов, зачастую знакомых лично и участвующих в одних и тех же всеукраинских рассылках. Сплав корпораций с государством успешно играет на противоречиях внутри тесного круга экологистов, на неосведомленности граждан Украины, на политических аспектах. Ведь легко обвинить противников сланцевого газа в лоббировании интересов Путина и Кремля, в борьбе с «газовой независимостью от России» (что и делается в прессе).

Интересный симптом. Перевод фильма «Gasland» на русский и украинский уже убирают с Youtube под предлогом нарушения авторских прав. «This video is no longer available due to a copyright claim by dogwoof». Ну-ну. Сейчас фильм доступен на торрентах, в соцсети Вконтакте и по двум ссылкам:

http://www.youtube.com/watch?v=9eoS0wWGOHk

http://video.yandex.ua/users/arni-dok-video/view/252/#hq

Одновременно с фрекингом в Украину пришла схожая

опасность – планы по постройке титановых карьеров на месте больших лесных территорий на Житомирщине. Добыча титана приводит к уничтожению экосистем, загрязнению воздуха и грунтовых вод, исчезновению воды из колодцев и уничтожению чернозема. Украинском олигархам мало Чернобыля, вымерших территорий на Донбассе, мало дымящих мегаполисов – ради наживы они зарятся теперь на леса Полесья.

Проблема сланцевого газа – часть целой вереницы проблем, порожденных современной индустрией добычи полезных ископаемых и энергетикой. В 2012 году в США вышел аналогичный «Gasland» фильм «Атомные штаты Америки», где на примерах наплевательского отношения государства к гражданам и замалчивания показывалось, что атомная индустрия совсем не безопасна и не чиста. Показаны те же симптомы, кстати – городки вблизи атомных электростанций, где люди на протяжении целых улиц «внезапно» заболевают раком, и глупые лица чиновников, пытающихся оправдаться на общественных слушаниях.

«Что произошло с подлодкой “Курск”? – Она утонула». Очень похоже.

Ясное дело, что критика сланцевого газа и атомной индустрии в США – частично следствие конкурентной борьбы корпораций. Лоббисты одного вида индустрии запросто выделяют деньги на критику конкурентов. Однако наше дело – смотреть фильмы, возможно, снятые на эти деньги, и делать свои выводы.

Лично мой вывод – чистой и безопасной энергетики нет в принципе. Не безопасны даже «альтернативы» – солнечная и ветровая энергетика, к которым сами же природоохранники имеют обоснованные претензии. Вместе с тем и жить в пещерах всем нам не хочется. И в этой ситуации остается бороться только с самыми опасными видами энергетической индустрии. Добыча сланцевого газа – именно такой вид. И важно помнить, что только массовое сопротивление всех людей остановит это чудовищное порождение большого капитала.

(О.Андрос, А.Василюк)

Гниль в зеленой упаковке

Сегодня на каждом шагу встречается реклама «экологического» содержания. Магазины и фирмы-производители всяческих товаров вешают вывески зеленого цвета. «Экологизм» становится модным, становится даже навязчивым. При этом, за внешней зеленью, как правило, ничего не скрывается. Грязные руки политиканов, торгашей – капиталистов взяли в оборот новый тренд. Тренд «экологичности». И это касается как производства товаров, услуг, так и создания организаций, движений. Все, что для этого нужно – запихнуть старый мотлох в зеленую шкатулку и, - вуаля! Вот вам «экологичный» продукт!

В любой программе каждой политической партии стоят одинаковые тезисы о том, что они будут следить за «довкиллям», не разбазаривать природные ресурсы и т.д. Что является чистой воды демагогией. Огромное количество политических групп организовывают «зеленые акции», тратя такое количество бумажной и прочей продукции на рекламу сих сомнительных мероприятий, что если бы их и вовсе не было, то, пожалуй, для природы было бы гораздо лучше. Мы наблюдаем наглую, циничную спекуляцию на теме экологии! Мы наблюдаем полную оторванность людей от понимания вообще того, что такое экология, что такое природозащита.

И все эти псевдозеленые деятели ничего не делают, кроме пиара. Но этого в принципе и следует от них ожидать, было бы странным, если бы они вели себя иначе.

Но самый ужасный вред от этой своры состоит в том, что у человека создается впечатление, что проблемы эти и должны решать какие-то неправительственные организации, партии и прочие структуры, а не он сам. И это есть самое основное заблуждение. Пока люди не осознают, что лес, который рубят - это их лес (но не только их, в первую очередь он принадлежит сам себе); парк, в котором хотят построить торговый центр – их парк; воздух, который травят – их воздух - все будет по прежнему. Пока нет этого осознания, пока человек чувствует себя чужим везде, кроме своей клетки – квартиры, заниматься «экологической» деятельностью, «природозащитой» будут различные спекулянты от власти и торговли! И будут втюхивать всем свои ненужные товары в новой, зеленой упаковке, будут рассказывать про экологию и природу людям, которым и вовсе невдомек, что рассказчики сами очень хорошо кормятся с разрушения природы.

И выходом из этой печальной ситуации может быть только координация людей на безвластных принципах вокруг решения определенных проблем, создание инициативных групп по решению конкретных вопросов. И организаций социально-экологических, вырастающих из этих групп. А далее, в перспективе – взаимодействие этих групп и организаций в рамках настоящего экологического, природозащитного движения. Сделать шаги в этом направлении под силу тем, кто имеет знания о конкретной проблематике, кто хочет связать свою деятельность с настоящей борьбой за новую жизнь вопреки лакейским «экологам», прикормленным властью.

(Днепровский)

ПУТЬ НА СЕВЕР

Наблюдая за жизнью в городе, где все кипит и бурлит, тяжело представить себе, что это окружение может замереть. Прийти в запустение. Точно также думали люди, жившие в городах Припять и Чернобыль, селах Черевач и Корогод... Но однажды им пришлось в спешке бежать из облюбованных домов и квартир, оставляя надежду на возвращение. Прошли годы, а они так и не вернулись. Вот так чернобыльские края были прокляты прогрессом человечества. Позади оставались годы, прожитые в любимых домах, имущество, нажитое за всю жизнь... А теперь там остается только саркофаг над покинутой равниной.

Чернобыльские края наполнены драматичностью. Сначала здесь прогремела катастрофа планетарных масштабов. Затем фонящие вещи растаскали мародеры. А сейчас Зона отчуждения это просто территория, огражденная колючкой с бесконечным числом прорывов и прорезов, несметным количеством лазов и обходов. Территория, где все когда-то началось... В далеком 86-м мирный атом отравил реки и озера, сделал непригодной для жизни землю. Радиация выжгла лес, который вскоре закопали. И именно этот "рыжий" лес стал символом Зоны отчуждения.

Прошли месяцы. Прошли годы. И жизнь потихоньку начала возвращаться. Вот прошло уже более двадцати лет, и эти проклятые места наводнили дикие животные. Повсюду поют птицы, а зелень листвы и буйные краски одичавших цветов вносят таинственную сказочность покинутым селениям. В этих селах, прогуливаясь по заросшим улочкам, можно с легкостью наткнуться на выводок кабанов, а ночами в этих же местах ревут лоси и олени, воют волки. Так уж получается, что природа возвращает себе свои владения, которые когда-то у нее захватил человек.

Со временем Зона отчуждения превратилась в своего рода заповедник. Такой себе уникальнейший памятник природы. Здесь в 90-х проводились масштабные исследования по влиянию радиации на сельскохозяйственные культуры. В эти же года был проведен уникальнейший эксперимент по сохранению редких животных – коней Пржевальского. Что интересно, именно этот эксперимент дал положительные результаты и сейчас этих удивительных животных можно встретить в чернобыльских краях.

После распада Советского союза все работы остановились из-за прекращения финансирования. Чернобыль остался наедине со своими проблемами. Колючка уже не спасала покинутые села от полчищ мародеров, а радиация не пугала охотников за металлом. Со временем сложилось мнение что Зона – это опасное, бесполезное создание прогресса. И там место таким же бесполезным членам общества. В среде юристов можно услышать мнение, что Чернобыль это отличнейшее место для уголовников, что там нужно сделать колонию для заключенных. Мнений по этому поводу на самом деле масса. Пока некоторые твердят о громадной тюрьме для всех заключенных страны, другие говорят что это место – уникальный полигон для ученых, третьи – что это бесценный подарок природы и там место заказнику, четвертые – что это своего рода туристическая изюминка, пятые – что там уже можно жить и пора уже открывать эти территории для застроек и заселения… Что бы там не говорили, а Зона остается зоной

свободной от человека.

И вот теперь на аварии ЧАЭС и трагедиях сотен тысяч человек развернули бизнес коммерческие структуры. В Зоне также встречаются браконьеры, отстреливающие животных. Здесь ведется заготовка древесины. Одна из древо заготавливающих точек находится в селе Корогод. Капитализм, с целью получать сверхприбыль, добрался и сюда. Его не останавливают никакие последствия. Ему плевать, что будет потом. Главное — что сейчас.

Лесная дорога виляет то влево, то вправо. И вот она упирается в зеленую стену, теряется под ногами. Ну, вот и село впереди виднеется. За время отсутствия человека оно превратилось в настоящие джунгли. Некоторые дома завалились под ударами стихий, а некоторые еще стоят. Село закончилось, а дорога убегает дальше на север.На бетонном полотне, осыпанном и укрытом паутиной трещин, прорастает земляника. Ее яркие ягоды красными пятнышками украшают дорогу и сотни бабочек взлетают ввысь. Нет, сухое дерево "рыжего" леса больше не является символом Зоны отчуждения. Ее новый символ - красивое, живое деревце, пробившееся из-под асфальтного покрытия дороги.

Как не странно, постапокалиптическкий мир вовсе не пустынный и безжизненный. Он дикий. Это доказано Чернобылем. Человек, выросший в городе, где облака разгоняют ракетными установками и деревьям разрешено расти только в определенных местах, привык видеть себя царем природы. В его сознании природа – искусственно созданное, механическое создание непоймикакого божества. Но это не так. Для того чтобы понять все ее могущество, достаточно оказаться в дикой местности, вроде этой. Здесь если дождь начался, то он может лить час, два, три... А листва, выпавшая этой осенью, пролежит не один сезон, постепенно удобряя собой землю.

Здесь все не так, как в городе. Тут начинаешь ценить то, чего раньше никогда не ценил. Это и обычный чай, сваренный на газовой горелке, это и самые обычные конфеты, и дешевые консервы. Тут происходит переоценка ценностей и человеку некогда играть какую-либо роль. Особенно в экстремальных ситуациях, когда приходится ползти по фонящей земле или когда прячешься от патрульных машин в ближайших кустах. Даже время исчисляется вовсе не трамвайными остановками.

Вечер темноту опускает на дороги, поля и леса. Мы проходим через захороненное село. Именно сюда ветер понес радиацию. Здесь, даже сейчас, радиометр матерится... А мы

все идем на север. Небо затягивает и потихоньку на землю опускается туман. Еще несколько сотен метров и впереди покажется очередная достопримечательность Зоны — станция Янов вместе с поездами, застывшими на путях. 30 минут

ходьбы и вот уже колючкой огражден город Припять. Главная площадь покинутого города. Силуэты домов еле-еле виднеются с густого тумана. Прямо — гостиница "Полесье", за ней располагается городской парк, а нам значит налево. Шестнадцатиэтажка приветствует нас резким падением радиационного фона. Все. Пришли. 16-й этаж. На полу в одной из комнат квартиры уже расположены матрасные подушки, а окна выходят в сторону электростанции. Сейчас поужинаем и спать. Завтра тяжелый день.

Забавно так получается. Лежишь себе в покинутом городе и прокручиваешь в памяти путь сюда. Сначала лес, потом два села, за ними река Уж, с единственным мостом... А там дальше поехали бегать от патрулей, пока в десятку не зашли. Радарная станция, Чистогаловка и Янов. А сейчас лежишь себе на импровизированной кровати в центре Зоны отчуждения на самом севере страны и прокручиваешь с разной скоростью все, что было и что будет. И не надо быть экстрасенсом, чтобы увидеть будущее. Здесь также опадет листва осенью, здесь также будут ходить дикие звери и речка будет полноводной. И никто не станет расстреливать дождь.

(т. Фантом)

Смотрите чаще в окна

В эту июльскую дождливую ночь что-то горело. Вопиющий смрад паленой резины пробирался во все квартиры близ стоящих домов. Люди просыпались от дикого запаха, на часах было давно за полночь. На домах зажигались огоньки, жители суетливо нюхали свои розетки, вылезали в окна. В такой дождь невозможно было разобрать, что горит. Но и понять, что именно может воспламениться в такую погоду – не распознать. На этот вопрос могла ответить только юная девушка, что первая видела своими невинными глазами это пламя…

***

В эту пору можно было наблюдать безумное количество грачей. Они прямо волной могли окатить поле зрения. Летели, казалось, прямо перед Майей. Её взгляд, словно лава, попавшая в воду, застыл на высохшем дереве, которое протягивало свои ветви прямо в окна. Еще с минуту поглядев на эту картину, Майе почему-то подумалось, как тут могло быть сто – сто пятьдесят лет назад.

В это время года солнце появлялось все реже, ветер становился холоднее, а улицы пустели. Майя не знала, почему вспомнила про птиц и про то, что могло быть за окном сто лет назад. Ей просто хотелось отвлечься. Осенняя пора все же залила ее разум серостью и грустью. Это она осознавала отчетливо и нисколь не сопротивлялась.

Майя училась в университете, и когда отрывалась от подготовки к занятиям – всегда глядела в окно.

Её дом был расположен у холма, который еще не был уничтожен продавцами земли. Холмики и маленькие ущелья, грязная речушка, огрызок леса, застланного слоем пластикового мусора, казались ей целым отдельным миром среди высоток, дорог и магазинов.

Она переехала сюда недавно, несколько лет назад и сейчас вспомнила, как тут было чудесно весной, и как впервые пошла туда гулять со своим лабрадором Синди. Живя в каменных джунглях все детство и ездя в школу с папой на машине, сидя днями за учебниками, ей и в голову не приходило, что в городе существуют вот такие красоты, как эта грязная речушка и доселе не застроенный холмик.

Начинало смеркаться. В комнате сидел гость и почувствовав неловкость от молчания он начал:

- Майя, Ваш отец рекомендовал мне Вас как хорошего и очень способного молодого специалиста. Возможно, мое предложение заинтересует?..

Ответа не последовало, и, выждав еще паузу, гость продолжил:

- К нам поступил новый заказ на проектирование. Я хочу, чтоб вы поскорее оформлялись к нам работать. Вы ведь уже на пятом курсе? Про выходные касательно учебы не волнуйтесь.

Майя не думала об этом странном предложении, она вообще не думала о том, чем занимается. Училась она всегда отлично, отец заставлял зубрить точные науки, в итоге не без участия отца она поступила в архитектурный. Правда, никогда ее туда не тянуло. Её вообще ни к чему не тянуло. Она не знала, что ей нравится, а что нет. И в то время, как ее одногруппники

занимались чем угодно – Майя, кроме методичек и занятий, ничем не занималась. Только в окно смотрела… Ей нравилось быть там, где нет телефонов, компьютера, транспорта и дорог, на маленькой горочке с грязной речушкой – в ее маленьком мире, отдельном прекрасном мире…

- Ну, поздравляю, Майя! Наконец-то ты вошла во взрослую жизнь! – торжественно, еле сдерживая слезы радости, произнес отец во время ужина.

- Не понимаю, о чем ты?.. – спросила девушка, и впрямь не понимая.

- Ну как же, теперь у тебя есть работа! Ты построишь карьеру, у тебя будет достойная зарплата, найдешь себе хорошего мужчину с такой же хорошей работой. Это и есть взрослая жизнь! – пояснительно и с улыбкой на лице разложил все по полочкам отец.

- И что дальше? Работа, карьера, деньги, муж…что дальше? – что-то в её голосе изменилось, будто эти привычные, на первый взгляд, мысли, приобрели другой, совсем иной смысл.

- Купите квартиру, родишь ребенка, в конце концов!

- Дальше? – никак не унималась Майя.

- Ну как… дальше… это ведь счастье! – на его лице была маска недоумения от того, что дочь оказалась не такой уж сметливой.

- Спокойной ночи, папа…

Майе никогда не нравились эти перспективы. Она не понимала, почему. Что-то тут было не так. Слишком просто, чтобы понимать и слишком сложно, чтобы объяснить.

***

Доходя до здания офиса, где отныне она должна была просиживать все дни, в её голову забрались звенящие голоса, скрежет пил и гром падающих… деревьев. Это были голоса протестующих местных жителей, чей сквер беспощадно вырубали. Сидя в приемной офиса, она размышляла об увиденном и услышанном. Это зрелище спровоцировало круговорот мыслей. Она дошла до безумного, как ей казалось,

умозаключения - люди защищают деревья. Только зачем? Какое им дело до тех деревьев? Во всем мире рубят – и ничего…

Прошла неделя и Майя работала над новым проектом папиного друга. Фирма занималась проектированием и строительством для частных лиц. Сейчас это был проект пятиэтажного элитного отеля с балкончиками, парковкой, фонтанами, газончиками и тротуарными плиточками.

Майя ходила на работу, ела, спала, гуляла с Синди, смотрела в окно… Жизнь была такой же унылой и скучной как раньше. Ничего не поменялось. А вкус «взрослой жизни» ей был отвратителен как и прежней.

***

Шли месяцы, и холодные поры стали отдаляться. Снег давно сошел, и прежние обитатели маленького мира Майи стали потихоньку возвращаться домой, отстраивать жилища. Ей теперь стало не так скучно, так как за окном теперь все ожило и наблюдать за внешним миром стало куда увлекательнее, чем зимой.

Через полгода после того, как Майю взяли на работу, проект был готов. В честь этого директор дал всем недельный отпуск, дабы смягчить настроение подчиненных. Проект был создан в кратчайшие сроки.

Ранним утром в понедельник, пока Майя ещё спала, её чудесный мир подвергался уничтожению…

Майя проснулась от странного звука на улице, он был совсем близко. Он был знакомым, но пока еще не совсем ясным. Напрягшись, она вспомнила этот звук, но… откуда он? Откуда он мог тут взяться?.. Она поглядела в окно и поняла…

Чувствуя беспомощность, она, как еще ребенок, сочла единственно верным искать успокоения и ответов у отцовского плеча. Но, не успев произнести ни слова, встретив отца в коридоре, он заговорил первым:

- Поздравляю тебя, радость моя! Как я тобой горжусь! С сегодняшнего дня заказчик начал работу по вашему проекту! Это твой первый успех!

- Нет… Этого не может быть…

И тут её осенило: рубят ее маленький мир… Но это не могло быть совпадением…

- Странная ты у меня, дочь! Зато с головой на плечах! Эх, каких же ты высот у меня добьешься! – чуть ли не в припрыжку и посвистывая, Майин отец удалился.

- Что же я натворила… - и слезы покатились из ее невинных глаз.

Деревья падали одно за другим, и Майя не могла сдерживать себя. Она вспомнила про всех ведомых и неведомых ей птиц, что обитали в ее мире. Про белок и бездомных счастливых собак, что беззаботно бродяжничают здесь. Захлебываясь слезами, она вспомнила и про тот маленький сквер, жители которого пытались остановить там вырубку. Теперь этот сквер её интересовал. Майя тут же собралась и отправилась в сторону офиса, чтобы поглядеть, что стало со сквером. Но, увы… на месте деревьев были установлены железобетонные сваи, сварки кололи глаза, а смрад отравлял сознание. Вовсю шла стройка. Безразличные

рабочие таскали материалы, а бездушные машины качались под весом бетонных панелей.

Кадрами перед глазами пронеслись картинки её холмика. Она представила себе свой чудесный мир с обычными птичками и грязной рекой, которые в миг превращались в равнину с такими же сваями, рабочими, вонью, ослепляющими искрами аппаратов и большим количеством шумных бездушных машин.

Мйая закрыла лицо руками. Она не могла допустить этой картины. Ей более не хотелось плакать. Как будто ожило в ней что-то. Ранее в этой девушке не возникало никаких чувств, кроме безразличия и усталости. Сейчас же она чувствовала боль и злость.

Эти, казалось, неприятные чувства, заставили проснуться. Необходимо было не допустить ту апокалиптическую картину в реальность. А ведь не было никого, кто бы мог помочь… и ничего, казалось, что могло остановить необратимый процесс.

***

Митинги и протесты не помогают. Так уже случилось с тем сквером, который превратился в груду камня и железа под названием «Торгово-развлекательный комплекс Уикенд». Единственное, что казалось верным – лечь под экскаватор или бульдозер. И если стройка не остановиться – умереть. Так и было сделано. На следующее утро, когда рабочие собирались приступить к работе – увидели девушку, лежащую под гусеницами бульдозера.

– Черт тебя подери! Ты откуда тут взялась? Я бы мог тебя переехать! – заорал рабочий, который должен был управлять машиной. – Ты хочешь, чтоб тебя тут задавили, девочка? Как ты сюда вообще попала? Давай, подымайся.

– Я никуда отсюда не уйду. Вы рубите мои деревья, – заявила та, продолжая лежать.

Раздался громкий хохот. Рабочие заливались смехом, но вскоре продолжили свои дела.

– Знаешь, сколько мы таких уже видали? Еще скажи, лучше пусть тебя тут задавят, – продолжал насмехаться крупный мужчина, лет пятидесяти, прораб стройки, – или что в суд подашь! Ваши методы не действуют. Брось мне тут свои экологические штучки, ступай домой, а я буду работать, иначе мне зарплаты не дадут!

Немного выждав, прораб подозвал двоих рабочих и велел поднять девушку с земли. Они подчинились. Затем потащили ее к забору и бросили за ворота.

- И дружков своих, соратников с журналистами можешь не звать! У нас есть разрешение на работы! А будете выбрасывать фокусы – выкинем всех или милицию вызовем! Так им и передай! Ха-ха-ха! – добавил напоследок один из мужчин, что тащил Майю.

Девушка упала в отчаяние. Снова слезы. «У нас есть разрешение на работы» - крутилось в ее голове. Как? Как можно разрешить такое делать?! Она и вовсе забыла о том, что сама проектировала отель, который должен был строиться. Но откуда было знать, что его построят именно здесь?! Позже она поняла: что бы не проектировалось – строительство уничтожит часть природы, часть чьего-то мира. Немного проведя времени на государственных интернет-ресурсах и выяснив, что никакого разрешения на застройку в этом месте не выдано – Майя немного обрадовалась. Вырубка все же незаконна. Но как тогда проводятся работы, если нет разрешения?

***

Теплым летним вечером небо затянуло, подуло. Погода намечалась не лучшей, но ждать было нельзя. Злость и обида овладели всецело, и душою, и телом. Лечь под экскаватор было таким же бессмысленным актом, как и митинговать.

Единственное, что можно было сделать – ответить разрушителям теми же методами.

Собираясь на улицу, Мая подумала об изменениях, которые с ней произошли. Никогда не бранилась, не злилась, ни к чему не стремилась. «Муху не обидит» - было тоже про нее. Завязывая шнурки и глядя на себя в зеркало, теперь живыми, злыми, жаждущими справедливости, глазами она сказала:

- Если люди создают что-то незаконно и ни у кого не спрашивают – я могу так же, ни с кем не советуясь, это уничтожить. Если строят без разрешения, значит, стройки и всего что находится на ее территории - не существует. Только природа может создавать, не спрашивая у нас. И никто не давал нам права уничтожать ее творений.

Для Майи тот холмик, та часть крошечной «нетронутой» природы были единственным утешением. И в последние годы жить хотелось исключительно из-за того, что в том месте было хорошо. Работа, замужество, деньги, дети и собственная квартира – вовсе не те вещи, которых нужно добиваться и ради которых стоит жить. Иметь это – нормально и естественно. Но получать удовольствие от обыденности - ничто иное, как ограниченность. Только почувствовав страх потерять то, что было любо – заставили сделать выводы, что ради чего стоит жить. Ради того, что никогда не предаст. Ради того, что всегда будет радовать и вдохновлять – ради природы.

А что же касается бульдозера – этой ночью он сгорел.

(О.Волина)

Зірсована прогулянка

«Поелику лесники должность зело воровская,
жалованья им можно не платить».

Із наказів Петра Першого.

Я тут живу

Інколи мій вихідний випадає на будній день. І це тішить – можна поїхати до лісу й насолодитися природою на самоті. Тут згадується вислів: «Жити б та жити, та люди не дають». Автомобілі, шашлики, п'яний регіт, гучна попса, а інколи й злягання без особливих міркувань про мораль і сором – всі ці ознаки відпочинку обивателя на природі – це добряче відро дьогтю у діжці меду мого усамітнення з Лісом. Але усе це зникає у понеділок. Залишаються лише гори пляшок, пластику, непогашене багаття... Принаймні винуватців цієї наруги над природою вже не зустрінеш, і це тішить.

Так міркувала я, їдучи велосипедом у розпал полуденної спеки лісовою стежкою, раз по раз зупиняючись, щоб присипати землею тліюче з учорашнього дня багаття чи прибрати пластикове сміття. Поруч їхав мій добрий товариш, який мовчав про своє, підтримуючи ілюзію усамітнення й водночас безпеки.

Життя останнім часом диктує настільки жорсткий ритм, що така прогулянка для мене та й для мого друга – справжнє свято. Відусюди, незважаючи на економічну кризу, чуєш балачки знайомих про закордонний відпочинок, а телеканали надають прогноз погоди на найкращих курортах світу, наче для будь-якого українця закордонні мандри – така ж буденна річ, як копання картоплі.

Свого часу мені також пощастило трохи поїздити Європою. І тому я точно знаю: наші київські ліси, що темно-зеленим кільцем оточують місто, найкращі у світі. Можна сказати, що я патріот. Однак, це слово міцно застрягло в асоціативному ланцюгу з державними прапорами (спочатку червоним із серпом-молотком, потім жовто-блакитним, із

тризубом), за якими тусуються ситі пики провладних дядьків та тіток. Вони так смішно хапаються при звуках державного гімну за те місце, де в нормальної людини серце, а потім підписують одне одному документи на володіння землею, яка належить усім. І стогне природа під натиском техніки, і на місцях, де був ліс, за високими парканами височіють хатини у три поверхи з безглуздими баштами. А в телевізорі вони говорять дуже правильні речі, ці глянцеві «опозиціонери», ці відполіровані «обличчя правди», цей «цвіт нації», що величає себе «елітою».

Як каже мій друг, ми живемо в час, коли слова втратили свій первинний сенс. Тож як їх дійсно називати? А хто як: хто наволоччю, хто бандитами, хто паразитами, а хто просто спльовує та лається. Ці самовдоволені персонажі та їхні фальшиві теревені в телевізорі не мають анічогісінько спільного з вітром, у вільних потоках якого плаває крук, з ніжним оксамитом крилець метелика, якого я зараз знімаю на свій мобільний, з тією граційною ящіркою, яка вислизнула з кадру, зі смолянистим повітряним трунком вікових сосен, без яких і Київ не Київ (не каштаном єдиним!).

Вони, ці самозвані господарі життя, також люблять землю, і нарізають її шматками, немов Київський торт, і, немов ненаситна сарана, пожирають вже останні живі острови зелені, якими ще донедавна так славилося наше місто. Чуєш дзвін? Настав час цінувати кожне дерево й каятися. Хтось таки мусить просити прощення у природи, якщо ці пихаті потвори на це не здатні… А чи настане час їх покарання?

Такі вервечки думок збивалися у віхоть і ятрили душу, поки ми очищали наше улюблену місцину біля води, підбираючи целофанові пакети, пластикові та скляні пляшки з-під мінералки, пива та горілки – увесь той бруд, що полишили після себе користувачі лісу. Це той самий «електорат», який обирає владу, яку потім і ненавидить. Порочне коло. Безвихідь. Як хочеться спокою, хоча б забуття…

Я скинула одяг і з молитвою подяки поринула у глибочінь лісового озера, відчуваючи, як із земного лона струменять прохолодні джерела, в якому розчиняються мої метушливі думки. Ось і все. Тепер я чиста від моїх кусючих метушливих думок, залишилися лише відчуття.

Я вийшла на берег вже іншою. Такі дивні речі відбуваються у цьому лісовому озері щоразу, тому й молитва подяки складається тут легко й просто, й кожного разу вона інша.

«Лісе мій, Лісе! Мені нічого не треба від тебе: ні ягід твоїх, ні грибів, ні квітів. Дякую за те, що ти є. Я просто кохаю тебе, кохаю кожне дерево, кожну билинку, кожного птаха і звіра, щонаселяють тебе. І твоє Озеро Діамантове, і прохолодні джерела, що живлять його. Вклоняюся тобі, Лісе!»

Я лягла горілиць, споглядаючи бездонну небесну блакить. А там, між білими кучерявими хмаринами та верхівками мосяжних сосен, плавав крук, і згори лунало його розважливе «кру-кру», «кру-кру»… Часу не стало. Залишилась вічність. Скільки це тривало – не знаю.

Скинулась риба. Тихо прошелестів травою вуж – він тут живе, на цьому бережку. Мабуть, йому незатишно, коли палять деревину, смажать м'ясо та кидають пластикове сміття на його території. «Ми все прибрали, любий! Ми тихенько полежимо тут у тебе в гостях…». Вуж проповз уздовж мого тіла і не злякався мене. Це означає, що я стала часткою Лісу.

* * * * *

Мій друг заглибився в свою дисертацію, він повсюди носить її з собою в нетбуці й постійно щось у ній править. Це добре, що він такий мовчазний. Мабуть, він радий, що і я не набридаю розмовами.

Я поглянула на свої бліді ноги, що потроху почали вступати в реакцію з ультрафіолетом. Повільно відсьорбнула усе ще прохолодну воду з лимоном, в якій ще не встигли розчинитися крижинки (добрий порятунок від спеки) і відчула,

як кожна клітина мого тіла насичується фітонцидовим трунком сосен і ще чимось, чого не передати словами. Це зі мною говорив Ліс. Він відповідав мені. Здається, я повернулася до себе, стала цільною, прозорою і тепер можу чути його, Лісів, голос.

Слів не було, лунала лише тиха музика вітру з травою, вітру з деревами, вітру з моїм волоссям. Аж раптом… «Послухай, це не звук бензопилки?» – промовив мій друг, який також вперше цього літа тішився дотиком води без хлору та повітрям без СО2. «Це в тебе галюци…» – відповіла я і почула десь зовсім поблизу жахливе «хр-р-р-рясь!!!!!». Цей звук я не переплутаю з іншим: це передсмертне хрипіння зрізаного дерева. «Ходімо!» – ми швидко підвелися, похапцем запхали шмотки до наплічників й поволокли свої велосипеди, долаючи круті піщані береги озера, продряпуючись крізь кущі, ще не розуміючи, якими будуть наші дії.

«А по морді нам не дадуть?» – донісся наче звідкись здалеку голос мого друга. Я навіть не відповіла, бо в цей час в голові проносилася картинка з чужого життя, яка чомусь спалахувало щоразу в таких ситуаціях: бородаті озброєні люди сідлають коней і мчать крізь гущавину лісу, а назустріч їм вершники у бушлатах з червоними пятикутниками на лобах. Ось вони перетнулися. Страшний, кривавий герць, хрипіння коней, стогін поранених...

Звідки це в мене? Чому я бачу цю картину? І тоді мені стає не страшно. Ні. Не дадуть мені по морді, бо маю обличчя.

«**Природний**» **відбір дерев**

«Конфлікт неминучий. Мусиш зберігати рівновагу». Так нашіптував мені якийсь голос, може, то був голос Лісу, чи дух когось із тих вершників, що безстрашно мчали назустріч *Волі* або *Смерті.*

«Коли бачиш, як працює лісознищувальна техніка - відчуваєш у собі безсилу лють і фантастичну концентрацію

енергії водночас. Відтак, можеш накоїти дурниць. Наприклад, запустити каменюкою у вікно трактора, або дати добрячого стусана лісорубові… А потім, як у сповільненому кадрі, споглядати, як повільно летить його тушка, вдаряючись об стовбури дерев інарешті повисає безсило десь високо у верховітті. А там його вже скубуть ворони, а його пилка безсило дзижчить і дриґається на землі, й ти гасиш і гасиш її дрючком, допоки вона незмовкає з перебитим хребтом.

Раптом усе застигає в мертвій тиші й краєчком ока помічаєш, як тракторист, приглушивши двигун, силиться зупинити кров, що струмочком стікає з його дурної голови. Заробітчанин з Житомирщини, якого наздогнала погана карма у чужому йому сосновому лісі десь на Київщині… Діточок – двоє... Йому байдуже, де робити й яким панам служити… Скільки коштує його душа? А скільки дадуть. Його безглузду й цинічну усмішку зупинив камінь, який пробив скло й потрапив йому у скроню. Тепер цинізм кудись дівся й перед ним, як у старому кіно, метушливо пробігають кадри його життя. Нічого особливого: гоцалки, пиво, горілка, горілка, пиво, заробітки, дівки, знову випивка, і вже інші дівки, й так далі по колу. Тепер він побачив своє бездарне життя як у дзеркалі й тужить, і хоче щось змінити… Але запізно!»

Хто надиктовує мені цей текст?! Невже це жахіття малює моя розгнівана уява? Але ж я – усього лише слабка жінка, яка ніколи в житті не здійняла руки на живу істоту. Я боюся таких потворних речей, ненавиджу сцени, де зводить судомою ненависті обличчя й голоси здіймаються на регістр вище й рвуться струни нормальних людських стосунків. А мені хочеться лише тиші, лише краси.

«Ти – тінь метелика, що п’є нектар іван-чаю. Ти – усього лише присмак його нектару. Ти – сльоза, що стікає з понівеченої соснової гілки. Ти – біль Лісу і ти – його втілена помста», – хтось знову шепоче сумно й ледь чутно й і навіть щока свербить – наче до неї хтось торкнувся м’якими

крильцями.

А вершники мчать і мчать лісом. Бачу страшні очі схарапуджених коней, чую важке дихання озброєних людей, які переслідують чи тікають і вже не помічають межі між життям і смертю. Я важко дихаю, видряпуючись по піщаних кручах з велосипедом у руках. Відсапуюсь, вирівнюю дихання. Я маю бути спокійною. Мій товариш поруч зі мною, щось говорить про прокуратуру, про генплан і прес-реліз. Я киваю. Встигнемо… Потім…

Так ми наближаємось до місця, де трощать живий ліс. Я вітаюся, прошу покликати когось старшого, бригадира-прораба-начальника… На мене дивляться прозорі очі трактористів чи екскаваторників, біс їх знає, – не обтяжені мисленням, порожні очі, вільні від будь-яких докорів сумління. Вони мене не чують, вдають, ніби не помічають.

Тоді я стаю на шляху хижих гусеничних механізмів. Страшна машина для вбивства дерев зупиняється. Чоловік за кермом червоніє, його очі стають білими від люті, з його пащі виривається брудна лайка. Він глушить мотор і направляється до мене. У цю мить мені на душі стає чомусь так спокійно-спокійно.

«Добрий день! Хто у вас за старшого? Покажіть, будь ласка, дозвіл на вирубку!» – промовляю я тихо і чомусь посміхаюсь. Екскаваторник спантеличено замовкає з відкритим ротом. Він роздивляється мене, наче якусь чудасію. Я не знаю, що в мені такого, але він дійсно дивиться на мене якось дивно. У цей час я слухаю, як десь далеко строчить кулемет і повітря здригається від іржання збуджених кривавою бойнею коней. А зовсім близько за моєю спиною лунає брутальна лайка. До мене широким нервовим кроком наближається чоловік з папірцем у руках, видно, це він і є їхній начальник. Замість «добридень» він згадує поганими словами усіх моїх предків по жіночій лінії зі мною включно. Я мовчки дивлюся поверх його голови. Так стою з півхвилини, може менше, і чекаю, коли він виплесне з себе усе лайно. Нарешті він вичерпався і ткнув мені якийсь папірець, а сам говорив, майже кричав про дозвіл, про санітарну чистку дерев...

Мені байдуже на той папірець, я підходжу до спиляних дерев, вони абсолютно здорові, а старих трухлявих, поневічених буреломом лісоруби й не зачепили.

«Це не санітарна вирубка», – кажу я. Бригадир знову псує повітря потоком брудної лайки. Мій друг весь час шляхетно тримає паузу й добре робить, бо на нього вже поглядає покидьок з іншого трактора, його желваки ходять ходуном, а руки стискають якусь залізяку. Я раджу бригадирові зупинити вирубку, бо буде гірше, і йду геть. За спиною чути регіт, що переходить у свинячий фальцет.

Відходимо. Але недалеко. Техніка продовжує роботу. Ми телефонуємо «02», сідаємо обабіч дороги на вказаному місці, сидимо годин зо дві. Мовчимо. Увесь цей час ревіння машин та тріск падаючих дерев розколюють навпіл духмяне повітря соснового лісу. Відпочили… Міліція так і не приїхала.

Помста Лісу

Наступного дня мене розбудив дзвінок мого друга. Він схвильований, каже, що у лісі трапилося щось страшне. Про це вже пишуть газети. Я відкриваю електронну скриньку, там уже купа лінків, що зібрав мій друг. Заголовки кричать: «Таємнича смерть на лісоповалі», «Містика чи теракт «зелених»?», «Ліс замовили – постраждали виконавці», «Чи вцілiє ліс перед новою навалою жадібних прибульців до влади?».

«…Час події – понеділок, середина червня, розпал нечуваної спеки. Місце – узбережжя Діамантового озера, поросле сосновим лісом, що відділяє Лісовий масив столиці від найближчогонаселеного пункту на північно-східному кордоні – селища Биківня (сьогодні це вже частина столиці).

Під час вирубки ділянки лісу на Київщині загинула бригада лісорубів, їхні тіла знайшли розвішеними високо у верховітті дерев. На обличчях застиг жах. Техніка понівечена. Слідів

Слідів убивць не знайдено. На місці події та поблизу відбитки велосипедних шин. Ведеться слідство».

– Ти розумієш, чим це пахне? Ми там були, це сліди наших велосипедів! А раптом це підстава? – нервує мій друг.

– Ми ж викликали міліцію! То якщо ми злочинці, то чого б ми ото сиділи там при дорозі, як два бовдури? Де ж тут логіка? – намагаюсь заспокоїти і себе, і його.

– Але навіщо їм таке писати? – не вгамовується мій друг.

– Бо журналісти.

– А може, їм завдання дали. Ну хто ми такі для них – ми ж просто мурахи.

– Отож. Розтоптали й не помітили. Навіть до суду з прапорцями ніхто не вийде, не кричатимуть «свободу зеленим патрулям!». Я й кажу: сиділа б собі тихо в офісі, робила б запити й не лізла б на рожон.

– А то я шукала пригод! Ми ж просто на прогулянку виїхали... А взагалі-то, якщо мовчати, то ліс увесь винищать і вже більше нікуди буде поїхати, принаймні, таким, як ми…

– От викличуть нас на допит та навішають нам теракт – тоді й спочинку не захочеться.

– Цур тобі. Ми ж ні в чому не винні.

– А хіба наші суди карають лише винних?

Отак поговорили, мало не розсварилися.

* * * * *

А тим часом слідчі сушили собі голову над загадковим убивством. Трупи лісорубів знімали на камеру. Потім трупи знімали з дерев. Навозилися до біса. Декого з новачків знудило. І що за нелюдська сила закинула їх на верхівки дерев? Обличчя у лісорубів були спотворені. Очі повилазили з орбіт, зуби вишкірені – вони й на людей не були схожі. Усі кістки поламані – наче від ударної хвилі, – а крові мало. Техніка була також уся понівечена, а слідів катма. Слідча бригада не могла нічого сказати – лише чортихалися собі під ніс. Пригадали, що дзвонила якась дівчина, скаржилася на незаконну вирубку. Сказала, що чекатиме з товаришем на роздоріжжі, що вони їх упізнають по велосипедах.

Наряд так і не виїхав, бо вирубка була замовною – на дачу депутату Київради пану Прогібаку знадобилася свіжа деревина. Не хотіли хлопці дарма бензин палити. «І що ти мені, Павловичу, торочиш про тих велосипедистів, – промовив один із слідчих. – Тоже мені терористів знайшов, таких щодня по лісу їздить до халєри, усі дуже грамотні повчати лісорубів, а вони що – прості виконавці».

…Слідчий проглядав плівку, сидячи в кабінеті й потягував пиво. Комір його був розстебнутий, краватка безсило висіла на спинці стільця. Аж раптом його молоде рум’яне обличчя напружилося й піт проступив на чолі – але вже не від спеки. Він зупинив відео, ще раз прокрутив, зупинив, знервовано провів долонею по обличчю й нервово почав набирати номер свого начальства з сусідньої кімнати.

Той не поспішав. «Слідчий іще молодий. Реагує на усілякі дрібниці. Пусте. Щось видалося хлопцю. Дурний, мовчав би вже, бо люди засміють. Привиди йому мерещаться на оперативній плівці… Надивився кіна!».

Пореготали. Подиміли. Аж той на поріг – рум’янець кудись дівся, блідий такий, спітнілий, зляканий.

–Ти шо, Толя, не опохмелився?

–Гляньте відео, кажу вам!

–Ну-ну, – трохи розгублено промовив майор. Давай уже…

Толя зняв відео з паузи. Трупи в неприродних позах, страшні, як атомна війна. Як вони потрапили на верхівки дерев? Далі камера ковзає по оточуючих деревах, що встигли вціліти, і в цей момент щелепа майора відкривається, наче віко у скрині, й залишається висіти. «…ля» – каже майор. Толя мовчить, кліпає очима і пітніє.

На задньому плані, у вітах дерев, виразно видніється велетенський лик. Він хмурить брови і люто дивиться на трактор, що усе ще кудахче внизу. Торс трактора розчавлений. А ось і решта оперів – щось оглядають,

записують, а за ними стежить і стежить те зелене чудовисько, якого не помітили під час виїзду слідчі. А якби помітили? Він вимальовується у вітах дерев і має спільний з ними колір. Власне, цей страшний лик і сам створений з дерев, з їхнього листя, з гілля...

У цей час лунає телефонний дзвінок. Усі нервово здригаються. Майор хапається за слухавку.

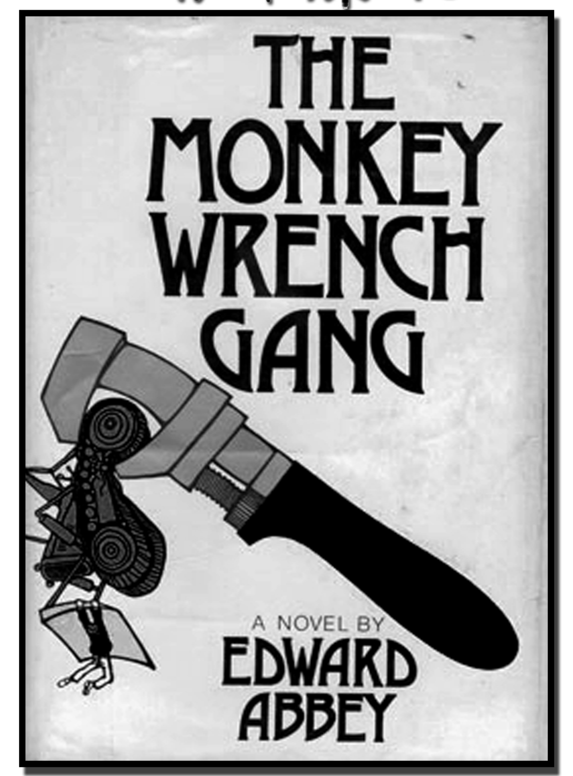
– Павловичу, слухай сюди уважно. Там у вас трупи в лісі, кажуть, з дивними пошкодженнями. Ось тримай ще до колекції: те ж саме сьогодні сталося з депутатом Прогібаком і з головою Київради Коротким. Це вони ті документи на вирубку погоджували. П’ять га. Отаке. Висилайте машину.

В кімнаті стало тихо. Лише кудахкав тихенько трактор з колонки комп’ютера, – єдиний «живий» ще свідок, який не міг нічого сказати. Навіть якби вмів.

(Ангеліна Яр)

Книга, которая приравнивается к оружию

Уж так повелось: попадается в руки стоящая книга, и тут же хочется поделиться своим открытием с ближним, отыскать единомышленников – чтобы увидеть в их глазах тот самый зеленый огонь свободы. Надо сказать, читателей повести Эдварда Эбби «Банда гаечного ключа» было найти нелегко. Немассовая эта книга. Многие возвращали мне её обратно, поглядывая на меня с некоторой опаской.

…В один прекрасный день случилось мне созерцать великолепное действо: группа молодых, физически крепких ребят очень быстро и организованно повалили застроечный забор на Кристеровой горке в Киеве. Их лица были прикрыты арафатками, одежда была без особых примет. Сделав свою работу, они быстро растворились в толпе. Пришло время, мы встретились, и они прочли подаренные мною книги Эдварда Эбби. Дэйв Формен и другие экофилософы-воины стали

также желанным чтивом в их кругу. И как стало мне известно, эти ребята теперь сами создают свой живой учебник экосаботажа. Уверена: школа Эдварда Эбби была для них неплохим подспорьем.

…Однажды Интернет порадовал меня необычным видео: на фоне леса дымился и горел ярким пламенем экскаватор. Мой мозг буквально закипел от возбуждения и дикой радости, как будто вся многострадальная природа кричала во мне от благодарности за возмездие. А затем поплыла ассоциативная цепочка: Дэйв Формен, экотаж, гаечный ключ, Эдвард Эбби… Конечно же, Эдвард Эбби! Предтеча радикального американского движения «Earth First!» («Земля прежде всего!»). Не знаю, была ли связь между книгой американца и действиями того одинокого украинского рейнджера. Вряд ли. Впрочем, прямое действие в Украине дело не новое. Невзирая на жесточайший прессинг (в том числе и общественного мнения), каждое поколение порождает своих героев. Породила ли «Банда гаечного ключа» своих последователей в Украине? Если да – то единицы. Могу с уверенностью сказать, что к «прямому действию» прибегали в Украине и раньше. И даже смиренные монахи способны на физическое сопротивление, когда враг пытается осквернить их святыни. А в наши дни осквернению подвергается святая Природа, которая у нас у всех одна на всю жизнь. Нужно быть совсем пустым человеком, чтобы остаться к этому равнодушным.

«”…угледобывающая компания Пабоди – только одна ветвь компании анаконда Копер; это, в свою очередь, лишь сучок на гигантском дереве Юнайтед Стейтс Стил; а последняя сплетается с Пентагоном, ТВА, Стандарт Ойл, Дженерал Дайнемикс, Датч Шелл, Фарбен-индустри и пр., и пр. Весь этот конгломерат компаний, этот картель, как гигантский спрут, охватил своими щупальцами половину планеты Земля… Мы такие маленькие, думала Бонни. - Они такие огромные”. - Ну и что из того? – спросил Хейдьюк, улыбнувшись ей сияющей белозубой улыбкой».

Герои Эдварда Эбби бросили вызов этому спруту именно так, играючи, с сияющей улыбкой. Доктор Сарвис и его подруга Бонни Абцуг отводят душу, уничтожая рекламные щиты. Джордж Хедьюк, возвратившись с вьетнамской войны, становится настоящим эковоином – потому что природа его родного края, та, которой он бредил в своих солдатских снах, была уничтожена. Еще один герой книги, Смит Редкий Гость, также имел свои основания стать на тропу войны: наступление корпораций уничтожало природу и заодно и малый бизнес Смита: речные туристические походы в глубинку. Вот они и встретились: такие разные, но объединило их одно: экосаботаж, партизанская война. Кто-то скажет: это бессмысленно, кто-то воскликнет: это преступно! Но Эдвард Эбби возразит: «Чувства без действий разрушительны для души». А ведь легче идти в бой, чем сидеть дома и впадать в уныние. Сбросить с себя рабскую покорность, не заливать слезами или алкоголем тоску по утерянному навеки озеру, парку, лесу, а препятствовать этому. «Больше сопротивления, меньше покорности» - и вот они уже боятся тебя, а ты чувствуешь себя все сильнее и сильнее.

За тридцать лет, прошедших после первой публикации книги, было продано более 700 тыс. экземпляров. И все эти годы книга вызывала раздражение у рядового американского обывателя. И не мудрено. Книга обрела свою душу в реальном, уже не книжном, движении экоанархистов под названием «Земля – прежде всего!», всех тех, кому надоело сдерживать свой гнев и играть в политические игры с власть предержащими, демонстрируя неуместную толерантность к беспределу корпораций, уродующих и уничтожающих природу. А на смену борцам времен 80-х пришли еще более радикальные экологисты, взявшие на вооружение взрывчатку – движение «Фронт освобождения Земли».

Примечательно, что массовая культура Америки, особенно киношная, заливает экран кровищей, преподнося населению уроки убийства в мельчайших подробностях, с

мастер-классом по уничтожению трупов. Такие блокбастеры, как «Заводной апельсин», «Красота по-американски» или фильмы Тарантино хаваются весело, под пиво. В то время как книга «Банда гаечного ключа», где красной линией прослеживается подтекстовка «не убей» (человека), вызывает прицельное внимание спецслужб. Впрочем, не исключено, что практикуемый в Америке «бунт на продажу»* попытается растиражировать и таким образом обезвредить скандальный роман Эбби - путем его экранизации. Как стало известно, Генри Джуст и Ариэль Шульман напишут сценарий и поставят экранизацию «Банды гаечного ключа».

P. S. Сложно удержаться от сравнения. Битва за природу в Украине имеет некоторые признаки локальной и тихой гражданской войны. И государство, и политики предали свой народ, лучшие куски заповедной земли уже разобраны кучкой власть предержащих и отбирать их без жесткого организованного сопротивления будет невозможно. Уроки экосаботажа – это разминка перед боем. Такие книги, как «Банда гаечного ключа» реанимируют духовную силу у тех, кто еще вчера считал себя слабым, тех, кто жаждет изменить ситуацию и остановить насилие над природой.

*название социологической книги Джозефа Хиза и Эндрю Поттера

(Ангелина Яр)

КОНТАКТЫ

Страница в вКонтакте:
http://vk.com/under_black_sun
(Под черным солнцем анархии)
Страница в fb:
http://www.facebook.com/groups/269597559829571
(Под черным солнцем анархии)
Реквизиты:
4149437730943907 (скотский приват банк, впрочем, как и все банки, но, увы, пока приходится)

Журнал напечатан на вторично переработанной бумаге

ГРУППА КИЕВСКИХ ЭКОАНАРХИСТОВ

ЗИМА

2012/13